

О КНИГАХ, О ДЕТАХ, О РИСОВАНИИ

Уметь увидеть мир

Геннадий Калиновский отчаянно сопротивлялся моему утверждению, что он по сути — художник детский, прирожденный иллюстратор книг именно для детей.

— Ну что вы, — сказал он, — я же так много рисовал для «взрослой» литературы: и к «Железному потоку» Серафимовича, и к «Морским рассказам» Станюковича, проиллюстрировал десятки повестей в журналах, куда дети заглядывают и редко, и случайно. Вот только что сдал рисунки к очередному изданию романа Владимира Богомолова «Момент истины» — детектив, конечно, но никак уж не детский...

— И тем не менее вас постоянно притягивает то, что принадлежит кругу детского чтения: «Путешествия Гулливера», например, «Мэри Поппинс», «Алиса в Стране чудес» и «Алиса в Зазеркалье», «Сказки дядюшки Римуса». Да и сами вы сказали мельком, что скоро приметесь за иллюстрации к «Волшебнику Изумрудного города» А. Волкова...

— Детские книги — очень добрые и чистые книги. Настоящая детская книга — она и для ребенка, и для взрослого одновременно. Таковы «Гулливер»,

«Сказки дядюшки Римуса», «Алиса», от которых не могу оторваться годами. Но вот что интересно: я приношу свои рисунки в издательство, и там ответственные взрослые люди безапелляционно говорят: «Ваши иллюстрации слишком сложны и фантастичны. Дети этого не поймут». Потом книжка выходит, ответственные взрослые по-прежнему морщатся, запоздало продолжая отстаивать интересы юного читателя, а в издательство «Детская литература» приходят письма от этих самых юных читателей — и выясняется, что мои картинки — ребусы детям не только понятны, но и очень интересны! Ведь дети — фантазеры и всегда радуются тому, что кто-то из взрослых их понимает.

— Мы привыкли, что художник обладает характерным для себя «фирменным письмом», что ли. Манера рисунка — это как почерк, которого не изменишь. Но вот смотришь ваши иллюстрации к «Путешествию Гулливера», «Сказкам дядюшки Римуса» (в 1976 году они были отмечены на выставке детской иллюстрации в Братиславе высшей премией — «Золотым яблоком»), к книге Юрия Ковалева «Недопесок Наполеон Третий»

и кажется, что рисунки сделаны тремя абсолютно разными людьми — так они разительно непохожи. Объединяет их только фамилия автора.

— Я — иллюстратор, и поэтому обязан быть актером. Хорош был бы я, если бы читатель, открывая эти книги и смотря на рисунки (а дети ведь сначала картинки пролистывают, а потом уже начинают читать), говорил: это не Харрис, не Свифт, не Коваль, это сплошной Калиновский. У актеров это называется «тянуть одеяло на себя», то есть играть самому, не давая играть партнеру. Когда я берусь за книгу, и особенно за детскую, я пытаюсь нарисовать так, как, скажем, хотел бы нарисовать Льюис Кэрролл, если бы он сам взялся за иллюстрирование своей «Алисы». У каждой книжки есть свой темп и тембр, и я всегда пытаюсь понять их, почувствовать, чтобы в конце концов создать визуальный эквивалент авторского текста. Кэрролл, на мой взгляд, рассказывал, как входит маленький человечек во взрослый мир, и описал этот мир, увиденный глазами ребенка. А во взрослом мире — другие законы, чем в мире Алисиного детства. Мы, взрослые, уже давно живем здесь, мы при-

выкли, нас мало чем удивить. И частая абсурдность, бессмысленность, бессмысленность обыденной взрослой жизни нас не беспокоит, более того — мы ее не замечаем, занятые важными, на наш взгляд, делами. А ведь кто-то из нас — Мартовский Заяц, кто-то Шляпник, кто-то очень похож на Синюю Гусеницу. Алиса же, судящая обо всем с точки зрения детского здравого смысла, все это видит. Но ее привлекает, манит страна чудес, и она пытается жить там, пытается понять эту странную страну и все, что в ней происходит. Алиса меняется — она сбита с толку, она поражена, иногда она даже глупеет, теряет себя. Только в конце книги она опять становится прежней. Прежней? Нет, это уже Алиса, которая повзрослела, побывав в стране чудес, но сумела несмотря ни на что сохранить в себе здравый смысл детства. Вот это я и пытаюсь нарисовать в новом издании книги.

— А как вы начали рисовать?

— Совершенно неожиданно для себя. Года в два-три. Я провел свое детство в Махачкале. Игрушек в доме особенных не было, была бумага в большом количестве, карандаши, и был мир перед глазами. И я рисовал.

Но не подумайте, что родители воспитывали во мне художника. Отец был начальником станции, мать тоже работала на железной дороге, в семье не было ни одной иллюстрированной книги по искусству, поэтому мои рисунки мне просто не с чем было сравнивать. Оценить их было некому. Я рос нормальным мальчишкой, таким Гекльберри Финном — мы с приятелями днями пропадали в порту, уходили в горы, а иногда «зайцами» на подножках уезжали из города на грушевые плантации к морю, где оставались на три-четыре дня. Дома я появлялся нечасто. Выбор у меня был королевский — и горы, и море, и таинственный, загадочный порт, и город, и огромная ватага друзей — а еще бумага и карандаши.

В начале войны мне на глаза попался номер «Пионерки» — газета объявляла конкурс на лучший детский рисунок. Я нарисовал — картина моя называлась «Гибель Нибелунгов» и уже была в какой-то степени иллюстрацией. Послал своих «Нибелунгов» в «Пионерку» и, естественно, об этом забыл. И вдруг в дом приходит почтальон, и мы с родителями узнаем, что моему рисунку присуждена первая премия и знаменитый худож-

ник Дмитрий Шмаринов дал мне рекомендацию в школу-интернат МОСХа. Шел сорок третий год, война, а я в интернате уже настоящему учился рисовать с десятками таких же «молодых дарований» на полном государственном обеспечении. Потом был Суриковский институт, защита диплома, начал печататься в журналах. Так я стал художником и рад, что не стал кем-нибудь другим.

— Вы начали рисовать рано. А что бы вы могли посоветовать родителям, которые хотят научить рисованию своего ребенка?

— Не ставить себе цели обязательно сделать из него профессионального художника — для этого нужны способности. Если они есть — найдутся и профессиональные учителя, наставники. Дело в другом: определить способности есть у каждого ребенка. Как дать им развиться, как выявить в ребенке талантливость? Рисуют ведь все дети — начиная с двух, с трех, с четырех лет. В этом возрасте им ничего не нужно, кроме бумаги и карандашей. Пусть рисуют себе вволю. Не надо поучать, исправлять рисунки, укорять за то, что кошка не похожа на кошку, а папа — на

папу. Надо поощрять в маленьком художнике индивидуальность и радоваться, когда рисунки сына или дочери ни на что не похожи. Индивидуальность — это главное. А еще надо развивать наблюдательность. Плохо, когда детские портреты похожи один на другой — круг, точка, палочка, ротик, носик, оборотик — одним словом, типовой набор примитивного пиктографического портрета. А если ребенок рисует не просто нос, а чуть кривой или вытянутый, если у одного человека на его рисунке волосы курчавые, а у другого прямые, то значит, в нем есть искра настоящей наблюдательности. Тогда выйдите с ним во двор вместе, посмотрите на деревья: чем это дерево отличается от вон того? Взгляните на собак: чем колли отличается от боксера, с которыми вышли погулять их хозяева? Ребенок ответит, и вы попросите его, придя домой нарисовать и собак, и деревья. Если в рисунке он сможет показать или хотя бы обозначить особенность дерева и собаки, то в будущем из него может выйти толк.

Бывает так. Сейчас во многих семьях на книжных полках стоят альбомы по искусству, к которым родители стараются при-

общить детей как можно раньше. И, рано впитав в себя много художественной информации, дети начинают не рисовать, а повторять, копировать, имитировать на своем уровне то, что они неосознанно усвоили, разглядывая книги по искусству, иллюстрированные журналы, открытки. Он имитирует, не имея собственной концепции, и поэтому эти рисунки — вторичны.

Не торопитесь, увидев, как ваш сын взял в руки карандаши и стопку чистой бумаги, знакомить его с репродукциями картин или водить его на художественные выставки. Это будет необходимо много позже. А пока — бумага и карандаши, карандаши и бумага, и ради бога, не мешайте ему, не отрывайте его от дела!

— Наверное, вот так же вы учили рисовать и своего маленького сына?

— Учил, но скоро понял, что художника из него не получится, и не очень этому огорчился. Для каждого человека в жизни есть его занятие. Его только надо найти или оно само тебя отыщет. Это и будет счастье...

Интервью вел
М. ДУБРОВСКИЙ.